

Дальнейшее внимательное изучение смысловой соотносительности единиц мотивационных пар не только глаголов, но слов всех грамматических классов русской диалектной речи, систематизация их значений и оттенков значений необходимы для нужд лексикографии.

Кроме того, интерес к производным СЗ 'становление признака' в последнее время обнаруживается в связи с исследованием языковой картины мира. Наличие большого количества мотиваторов, свобода смысловой соотносительности и сочетаемости словообразующих аффиксов с ними за счет функционирования языка диалектного типа (термин принимается не всеми лингвистами!) лишь в устной форме, собственные эстетические критерии диалектоносителей, их понимание правильного / неправильного, социальные оценки происходящего вполне могут повлиять на решение целого ряда вопросов, имеющих отношение к языковой картине мира. Но это уже предмет следующего описания.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.
2. Литвинникова О. И. Словообразовательная парадигматика русского диалектного глагола // Дисс. ... доктора филол. наук. – К.: ИЯ НАН Украины, 1995.
3. Монастыренко З. А. Семантическая соотносительность производных имен действия и их производящих в современном русском языке // Автореферат ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1978.
4. Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ // ВЯ – № 1. – М., 1967.
5. Улуханов И. С. Слова, мотивированные формами слов // РЯШ – № 4. – М., 1986.

Лифанов К. В.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Для современной теории литературных языков в целом характерно признание того, что она сформировалась в самостоятельную лингвистическую дисциплину только благодаря возникновению функциональной и функционально-структурной лингвистики, что является одним из наиболее значительных достижений Пражской лингвистической школы [1, 113]. На практике же применение функционального метода в синхронном и диахроническом аспектах получило различное распространение. Если в отношении исследования современных литературных языков его позиции непоколебимы и в настоящее время никому не придет в голову идея расчленив современные литературные языки на генетические составляющие, отбросить инородные элементы и изучать лишь автохтонные, то на уровне диахронии предшествующие младограмматические приемы оказались чрезвычайно живучи, поэтому история отдельных литературных языков, например, славянских, подается в искаженном свете и содержит многие стереотипы, необходимость преодоления которых в настоящее время ощущается как одна из наиболее неотложных задач языкознания [2]. Эти стереотипы объясняются, во-первых, тем, что еще далеко не всегда осознаются глубокие различия между литературными и «естественными» языками. Понимание этого должно стать одним из принципов научных исследований [3, 271]. Во-вторых, концепции развития отдельных литературных языков формировались раньше, чем теория и история литературных языков стала самостоятельной дисциплиной. И если для литературных языков, формировавшихся на основе народных говоров, младограмматический подход к изучению данной проблематики не оказывает столь существенного воздействия на результаты исследования, то для литературных языков, на возникновение которых существенное влияние оказал иной литературный язык, метод их изучения оказывается принципиальным. Влияние младограмматического подхода в русистике было еще чрезвычайно существенным полвека назад. Так, В. Д. Левин отмечал следующее: «Только игнорируя реальную историю литературных языков многих народов Запада и Востока, можно объявлять (как это делают некоторые авторы) «неправдоподобным» или даже «антипатриотическим» само предположение о возможности возникновения древнерусского литературного языка под старославянским влиянием <...> Надо вообще заметить, что... обнаруживается какая-то странная «боязнь» старославянских элементов в русском литературном языке. О них говорится «вскользь», как бы «с извинениями» [4, 114-115]. Русистика, однако, с течением времени преодолела младограмматический подход. В этом отношении большое значение имел доклад Р. И. Аванесова на VII Международном съезде славистов в 1973 г., который убедительно показал различие между историко-этническим и функциональным пониманием сущности генетически гетерогенного (а конкретно – церковнославянского) языка. «С первой точки зрения, древнецерковнославянский язык – это древнеболгарский язык, может быть, один из диалектов; он не был единым, включая в себя южнославянские элементы разных территорий, а также западнославянские. С этой, первой, точки зрения, он может рассматриваться как нечто внешнее («чуждое») по отношению к древнерусскому языку как восточнославянскому. Со второй точки зрения, он в равной степени принадлежит всем южным и восточным (а в раннюю эпоху также и части западных славян) и не может считаться чем-то внешним или чужим по отношению к языку древних восточных славян» [5, 6].

Подобный поворот в интерпретации истории литературных языков, однако, произошел не во всех национальных лингвистиках славянских народов. В частности, до настоящего времени функциональный подход к фактам истории словацкого литературного языка является нетипичным, хотя еще в XIX в. было отмечено чрезвычайно сходство развития русского и словацкого литературных языков. При этом в функции церковнославянского языка в Словакии выступал (древне)чешский язык. Так, кодификатор словацкого литературного языка 40-х гг. XIX в. Л. Штур писал следующее: «Тем, чем для русских и сербов был старославянский (точнее – церковнославянский – *К. Л.*) язык, для нас словаков, был чешский. Он тоже пришел к нам вместе со священными книгами и получил исключительное право в наших костелах...» [6, 72]. При этом, однако, возникновение словацкого литературного языка традиционно связывается с кодификацией А. Бернолака (1787), поскольку считается, что для признания какого-либо идиома литературным языком его кодификация необходима, а также потому, что в кодификации А. Бернолака словацкие элементы в количественном отношении

существенно превышают чешские. То есть все еще сохраняется младограмматический подход к фактам литературного языка.

Функциональный метод имеет ключевое значение для интерпретации отдельных языковых элементов в конкретных текстах, что в свою очередь позволяет установить статус различных идиомов, функционировавших на определенной этнической территории. Установление же функций, выполняемых той или иной формы в текстах, возможно путем сопоставления разных текстов как во временном, так и в территориальном и жанровом отношениях. В результате этого исследователь может выйти на уровень сознания прошлого, каковая проблема сейчас выдвигается в ряд наиболее актуальных задач истории славянских литературных языков [7, 49]. Только таким образом можно адекватно установить, какой статус имели конкретные языковые единицы в свое время, не перенося их нынешнее восприятие на минувшие эпохи. В результате может выясниться, что далеко не все элементы, представленные в современном литературном языке, являлись в прошлом показателями «культивированности» текста, но некоторые, напротив, придавали ему локальную окраску или даже были языковыми ошибками, проникшими в текст вследствие недостаточного усвоения писцом современных ему языковых норм. Применительно к истории словацкого литературного языка это означает, что наличие в том или ином раннем памятнике черт, совпадающих с особенностями позднейшей штуровской кодификации, не обязательно свидетельствует о зарождении уже в тот период новой письменной традиции. При этом внимание исследователя не должно концентрироваться исключительно на элементах народной речи, зафиксированных в памятниках письменности, когда остальные, особенно элементы иноязычного происхождения, просто отбрасываются как «чуждые», лишь засоряющие естественный язык. В целом ряде случаев именно последние оказываются релевантными при формировании национальной письменной традиции, поскольку начинают выполнять иную функцию, отличающуюся от функции в исходном языке. При этом изменение функций отдельных языковых элементов может быть вызвано разными причинами. Приведем некоторые примеры из истории словацкого литературного языка.

Итак, древнечешский литературный язык, проникнув на территорию Словакии, начинает здесь видоизменяться под воздействием словацких, и прежде всего югозападнословацких говоров. Таким изменением являлось, например, утрата специфической чешской фонемы /ř/, вытесненной словацкой фонемой /r/. Более сложный характер имело изменение перегласованных гласных, которые подверглись замене неперегласованными, что, однако, произошло в одних формах и не осуществилось в других. В результате в памятниках словацкой письменности, а также в первой кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака было представлено оригинальное явление – грамматикализация перегласовок.

Существенное значение для формирования словацкой письменной традиции имели такие древнечешские явления, которые сохранились в языке памятников словацкой письменности, но претерпели изменения в собственно чешских. Это мог быть генетически чешский элемент, не характерный для словацкого языка. Например, в формах род. пад. множественного числа в древнечешском литературном языке была представлена флексия -úv (графически – -úw), позже изменившаяся в чешском языке в -ú (-ů), но длительное время сохранявшаяся в памятниках словацкой письменности, хотя в словацких диалектах она отсутствует (представлена флексия -ov). В качестве иного примера можно привести флексию твор. пад. единственного числа существительных и прилагательных женского рода -ú, позже подвергшуюся в чешском языке дифтонгизации и изменившуюся в -ou, но не без влияния западнословацкого диалекта сохранившуюся в словацких памятниках письменности. Более того, статус указанной флексии существенным образом изменился, поскольку она стала употребляться после функционально мягких согласных, что невозможно в чешском, поскольку в данной позиции она оказывалась в позиции перегласовки. Таким образом, генетически чешский элемент превратился в типичную особенность языка словацкой письменности доштуровского периода.

Существовал и третий путь появления специфических особенностей языка словацкой письменности, а именно возникновения таких явлений, которые отсутствовали как в чешском языке, так и в словацких диалектах. В качестве примера приведем специфические формы род. и вин. пад. возвратного местоимения с гласным -o (sobe), которые в чешском языке фиксируются в дат., предл. и твор. падежах, а в словацком отсутствуют вовсе, или различение форм. род. и вин. пад. множественного числа в парадигмах одушевленных существительных. Если в словацком языке они совпадают, то в чешском в парадигмах множественного числа категория одушевленности не выражается. Подробное изложение названных и иных языковых явлений, фиксируемых в процессе формирования словацкого литературного языка, содержатся в нашей монографии [8]. Интересно, что специфические явления как результат взаимодействия словацкого и чешского языков имели место и в более поздний период развития словацкого литературного языка, причем некоторые из них сохраняются до настоящего времени, как, например, выпадение гласного *i* в суффиксе -ik, не представленное ни в чешском языке, ни в словацких диалектах [9].

Последовательное использование функционального метода при изучении истории литературных языков, таким образом, позволяет перейти от простого постулирования тезисов к всестороннему изучению данной проблематики вплоть до пересмотра традиционных концепций. Эта проблема представляется в настоящее время чрезвычайно актуальной, и ее решение уже давно имеет первостепенное значение, в частности, для славистики.

Литература

1. Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy // Slovo a Slovesnost, 29, 1968. Č. 2. S. 113-125.
2. Gládková H. Úloha jazykové intervence v období spisovné bulharštiny v porovnání s češtinou // Slavia, 67, 1998. Sešit 1-2. S. 119-127.
3. Wollman S. Slovenská filologie 1998 // Slavia, 67, 1998. Sešit 1-2. S. 269-274.
4. Левин В. Д. Новые книги по истории русского и украинского литературных языков // Вопросы языкознания. — 1959. — № 3. — С. 110-119.
5. Аванесов Р. И. К вопросам периодизации истории русского языка // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. — М., 1973. — С. 5-24.
6. Štúr Ľ. Slovenčina naša. V. zväzok diela. Bratislava, 1957.

7. Кречмер А. Сравнительная история славянских литературных языков: вопросы методологии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1998. – С. 48-59.
8. Лифанов К. В. Генезис словацкого литературного языка. LINCOS Studies in Slavic Linguistics 21. München 2001.
9. Лифанов К. В. Взаимодействие словацкой письменной традиции с народной речью (на примере деминутивов на -ček, -čok и -čik) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 50, 2005, 1/2. С. 85-98.

Ляшенко Н. В.

КОМПРОМИСС КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Многие энциклопедические словари трактуют понятие «компромисс» как соглашение путем взаимных уступок.

Действительно, ни один сложный и противоречивый вопрос, как правило, невозможно урегулировать без определенных встречных решений заинтересованных сторон. Практика показывает, что в значительной степени это относится и к языковой политике многонационального государства, поскольку в таком государстве должны учитываться многие факторы: типологические характеристики этнических групп, способы их интеграции в государство, специфика межнациональных отношений. В многонациональном государстве в целях сохранения его целостности и стабильности важно на государственном уровне правильно определить язык этноса, который мог бы выступить в качестве государственного языка.

Какими же основными и достаточными качествами должен обладать государственный язык?

Прежде всего, этот язык должен иметь развитую литературную форму и широкие функциональные возможности. Государственный язык может эффективно и полноценно осуществлять свои функции только при наличии продолжительной литературно-языковой традиции, упорядоченной грамматики, высокой информационной и коммуникативной способности, богатой терминологической базы.

В современных условиях расширения глобализации и интеграционных процессов перед всеми государствами выдвигается задача защиты, сохранения и развития государственных (официальных) языков наряду с языками национальных меньшинств.

Эта проблема нашла свое отражение в статье 8 Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. В пункте 1 данной статьи подчеркивается, что Стороны обязуются обеспечивать образование на региональных языках или языках меньшинств в рамках территории, где они используются, без ущерба для преподавания официального языка (языков) государства. Ведь, как известно, наиболее часто языковые конфликты происходят именно в тех случаях, когда языки имеют разный социальный статус и несбалансированные общественные функции.

Возьмем, к примеру, Канаду. Особенность Канады заключается в том, что исторически в ее пределах всегда вынуждены сосуществовать две нации – основателя государства – англичане и французы. И на протяжении многих лет, начиная с момента образования конфедерации в 1867 году, в провинции Квебек велась длительная борьба франкоязычного населения, составляющего 80% всего населения провинции, за сохранение своей культурно-языковой целостности.

В результате этой борьбы в Канаде в 1969 году был принят Закон об официальных языках, который юридически закрепил равенство английского и французского языков в федеральных учреждениях. Конституционным актом 1982 года английский и французский языки получили статус официальных языков Канады. Принятие этих правовых актов практически предотвратило распад страны.

Интересным и поучительным является опыт языкового строительства в Республике Кипр. В данной республике в результате длительного процесса урегулирования вопроса о функционировании двух языков – греческого и турецкого – было придание им в конституции страны статуса официальных языков. Все граждане имеют право обращаться к властям Республики Кипр на любом из двух официальных языков.

В Финляндии государственная языковая политика направлена на предоставление равных конституционных прав двум основным этносам – финнам и шведам на пользование двумя государственными языками.

На протяжении столетий примером компромиссного демократического регулирования языковых отношений для многих государств является государственная языковая политика Швейцарии, конституция которой провозглашает свободное употребление языков. Согласно статистическим данным население этой страны в официальных сферах пользуется четырьмя государственными языками: 2/3 населения – немецким, 1/5 – французским, 8% – итальянским и около 1% – ретороманским языком.

Остановимся более подробно на некоторых исторических аспектах государственной языковой политики России, на территории которой, по данным переписи населения 2002 года, проживает свыше 160 народов и функционирует более 150 языков.

Если рассматривать языковую политику российского государства с точки зрения разумного компромиссного решения назревших языковых проблем, то каждый его исторический этап имел свою специфику. Однако центральное место всегда в ней занимало соотношение использования в официальной сфере русского и других языков, то есть языка самого многочисленного народа и языков национальных меньшинств.

Различным официальным статусом обладал русский язык в Российском государстве – от общегосударственного языка в Российской империи, официального языка и языка межнационального общения в Советском Союзе и до государственного языка в Российской Федерации.

В Своде Основных Государственных Законов Российской Империи указывалось: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами».